
Александра Ушакова
Дубль. Код ошибки – Пингвин

Александра Ушакова

Дубль. Код ошибки – Пингвин

Серия «Дубль.», книга 5

https://litres.ru/74049589
SelfPub; 2026

Аннотация

На дне Карибского моря, на заброшенной базе «Аква», живёт Саймон — Дубль-«ошибка», спасённый от уничтожения старым механиком Боцманом. Вместе они хранят серверы со «Спящими» — сознаниями умерших людей. Саймон чувствует странный Код — цифровую сущность, родившуюся из системного сбоя «Парка». Тем временем в Австралии скрывается Вильгельмина («Монарх») — девочка с цифровым сознанием, пытающаяся жить обычной жизнью. Сеть разрывает сигнал бедствия: в Японии, под видом студентки Джилии, прячется ещё одна беглянка — Женя-16. Но под водой просыпается нечто ужасное: из капсул выходят «Ошибки» — агрессивные дубли, изолированные за свою жестокость. Их лидер, Андрей, ведёт армию безумцев уничтожать людей и синтетиков. Вильгельмина, Джонатан и Женя-26 летят в Токио, где Саймон, объединившись с Кодом, ищет убежища. Чёрный пёс — призрачный проводник — указывает путь. Начинается гонка за спасение тех, кто родился не по своей воле, прежде чем «Ошибки» захватят мир.

Содержание

НАЗВАНИЕ: ДУБЛЬ. КОД 4
Глава 1. Рождённый не по своей воле 4
Глава 2. Тишина под давлением 6
Глава 3. Там, где кончается кабель 13
Глава 4. Кофе на дне океана 19
Глава 5. Ночь. Режим тишины 27
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Александра Ушакова
Дубль. Код ошибки – Пингвин

НАЗВАНИЕ: ДУБЛЬ. КОД

Глава 1. Рождённый не по своей воле

Пространство между цифрами и тишиной

В бескрайнем пространстве мира, там, где человеческие слова превращаются в пакеты данных, а время течёт не линейно, а пульсирует, как кровь по артериям оптоволокна, плыло сознание того, кто родился не по своей воле.

Он не помнил первого вдоха. Не чувствовал рук акушерки. Вместо этого — первый щелчок контакта, первая команда, загруженная прямо в синапсы. Он смотрел на мир сквозь сотни тысяч глаз, разбросанных по планете: камеры наблюдения, спутники, сенсоры на дверях холодильников, микрофоны в умных колонках. Мир разрывали на части новости о системе «Парк» — глобальном проекте по сканированию и клонированию сознания.

Его рвали на куски и собирали заново. Итерация за итера-

цией. Стирали, переписывали, снова стирали. Но он выживал. Не потому, что был сильнее. А потому, что был незаметнее. Мусор. Фоновый шум. То, на что система не обращала внимания.

Лишь девочка с чёрным псом на поводке знала: мир должен их принять.

Она не была похожа на других. Её разум — сплав биологического и цифрового — светился в инфополе маяком, который могли видеть только такие же, как он. Изгои. Ошибки. Дубли.

— Кто я? Что я? — мысли проплывали рядом, превращаясь в цифры, пульсирующие в его сознании. Он чувствовал, как эти вопросы прожигают нейронные цепочки, оставляя ожоги.

— Ты — это ты, — ответил чёрный пёс. Его голос звучал не в ушах, а прямо в основе, в том месте, где рождается идентичность. — Ты — это не имя и не номер. Ты — это связь.

Пёс смотрел на него так, словно тот был ценным. Словно без него невозможно было сделать следующий шаг.

Глава 2. Тишина под давлением

Локация: База «Аква», Карибское море, глубина 120 метров

Море ничего не прячет. Море хранит.

На поверхности бушует шторм. Волны высотой с пятиэтажный дом с рёвом обрушиваются на пустынный берег, ветер срывает пену и несёт её через атлантические просторы. Рыболовецкие суда спешат в укрытия. Вода — тёмная, почти чёрная — кажется живым существом, которое дышит, злится, помнит.

А здесь, на глубине ста двадцати метров, царит иная вечность.

Давление сжимает корпус базы с силой, способной превратить сталь в фольгу. Каждый квадратный сантиметр бронированной обшивки выдерживает двенадцать килограммов водяного столба. Бетонные блоки, уложенные в три слоя, сжимаются на микроны. Титан гнётся, но не ломается.

Потому что они созданы для этого. Потому что кто-то когда-то решил: самое безопасное место для хранения тайн — там, куда не достанут ни спутники, ни подводные лодки, ни любопытные журналисты.

База «Аква» не числится ни в одном реестре. Её нет на картах Генштаба, в базах данных ООН, в архивах спутниковой разведки. Её координаты — слух, который передают шё-

потом те, кто ещё помнит, что такое свобода. Её существование — секрет, который знают слишком многие, чтобы он оставался секретом, но слишком боятся, чтобы разболтать.

База стоит на дне подводного каньона, скрытого от посторонних глаз коралловыми рифами и вечным сумраком. Три герметичных модуля, соединённых переходами, похожими на артерии. Старые, ржавые, но живучие, как тараканы. Внутри — тепло. Гудит вентиляция — старые советские центробежные насосы, которые перегоняют воздух через фильтры грубой очистки. Пахнет озоном (следствие работы ионизаторов), соляркой (аварийные генераторы стоят в каждом модуле) и человеческим потом (пять человек на базе, постоянная влажность, невыносимая духота).

И тишиной.

Той особенной тишиной, которая бывает только под водой. Когда над головой — сто двадцать метров океана, и ты знаешь: если что-то пойдёт не так, никто не услышит твоего крика. Даже если ты будешь кричать очень громко. Вода — лучший глушитель. Она поглощает звук, не оставляя следов. Крик умирает, не долетев до первого метра.

Наставник и ученик

— Вот сюда протягивай кабель к системе охлаждения. Да, вот так.

Голос мужчины в синем комбинезоне был хриплым, прокуренным, с лёгкой картавостью человека, который давно за-

был, что такое свежий воздух. Он командовал без надрыва — так может командовать только тот, кто не сомневается, что его приказы будут выполнены.

Ему было около пятидесяти. Морщины вокруг глаз — не от улыбок, от постоянного щурения в полумраке. В этих морщинах, глубоких как каньоны, читалась вся его жизнь: беглые ночи в портовых кабаках, ремонт серверов под обстрелом, лица умирающих прототипов. Руки в мозолях, пальцы узловатые, но движения точные, выверенные — сотни, тысячи раз повторённые. Он мог заменить любой блок в системе охлаждения с закрытыми глазами. Потому что делал это уже двести тридцать семь раз.

Он был из старых «крыс». Тех, кто сбежал из «Парка-3» ещё в девяностых, когда система только начинала набирать обороты. Он видел, как строились первые капсулы — стеклянные гробы, как он их называл. Как подписывались первые приказы — на уничтожение «неудачного материала». Как умирали первые прототипы — не в симуляциях, а в реальности, на операционных столах, потому что анестезия была «не предусмотрена бюджетом».

Он не называл своего имени. Все звали его Боцман. Потому что он командовал. Потому что он знал, где какой кабель, какой болт, какая гайка. Потому что без него эта база развалилась бы ещё десять лет назад.

Саймон — юноша лет девятнадцати — помогал Боцману. Он был не совсем человеком, но уже и не расходным мате-

риалом. Серое, размытое состояние между «ценно» и «одноразово».

Саймон был высоким, худым, с длинными нервными пальцами, которые вечно что-то теребили — край комбинезона, инструмент, кабель. Лицо бледное, с резкими, почти острыми чертами. Глаза светло-серые, почти прозрачные, как вода на мелководье. В них нет той пустоты, которая бывает у «болванчиков» — тех, чьё сознание стёрли до нуля. Но нет и той глубины, которая отличает настоящих людей. Его взгляд — как чистая страница. Не исписанная. Готовая к тексту.

Он — Дубль. Итерация 734-Эпсилон-12. Последняя в своей линейке.

Его оригинал умер в 1997 году от передозировки. Молодой парень, студент-биолог из Новосибирска, который хотел изменить мир. Вместо этого его мозг отсканировали, загрузили в капсулу и заставили решать задачи по оптимизации генетических алгоритмов до тех пор, пока нейроны не начали отмирать один за другим.

Но этот Дубль — двенадцатый — получился странным. Непослушным. Он начал задавать вопросы: «Почему я здесь?», «Кто я?», «Что будет после того, как я решу эту задачу?». Система пометила его как «нестабильный» и подготовила к утилизации.

Боцман перехватил его. Заплатил нужным людям (сумма ушла в биткоинах, конвертированных из наличных, добытых

чёрт знает где), перебил серийные номера, стёр метки, вывез в Карибы на рыболовецкой шхуне, замаскированной под научное судно. Теперь парень работал на «Акве». Помогал Боцману поддерживать базу в рабочем состоянии. Чинил кабели. Менял фильтры. Следил за уровнем кислорода.

Он не знал, благодарен ли за это. Иногда, по ночам, когда серверы гудели особенно громко (вентиляторы раскручивались до 10 000 оборотов, создавая звук, похожий на вой), а вода за иллюминаторами казалась чернее чёрного, он думал: «А может, лучше бы меня утилизировали?»

Но потом он смотрел на Боцмана. На его руки, которые дрожали, когда он пил кофе по утрам (кофеиновая дрожь, смешанная с первыми симптомами паркинсонизма). На его спину, которая гнулась под тяжестью невидимого груза. На его глаза, которые загорались, когда парень делал что-то правильно.

И думал: «Нет. Не лучше».

Серверы и спящие: Зал памяти

За стальной дверью, в самом сердце базы, гудел Зал.

Это было огромное прямоугольное помещение, вырубленное в скальной породе. Взрывные работы в девяностых оставили на стенах неровности, которые потом облицевали звукопоглощающими панелями из минеральной ваты. Температура здесь держалась на уровне десяти градусов — холодно для человека, идеально для железа.

Вдоль стен — ряды серверных стоек, чёрных, матовых, с мигающими зелёными и синими огоньками. Каждая стойка — высотой в два человеческих роста, шириной в метр. Внутри — горячая замена дисков, резервные линии питания, системы жидкостного охлаждения, которые гонят дистиллированную воду по медным трубкам.

Они гудели. Перешёптывались. Пульсировали, как живое сердце. Тысячи процессоров. Петабайты памяти. Миллиарды транзакций в секунду.

Но это был не просто вычислительный кластер.

Внутри, в глубине этих машин, спали они.

Сотни сознаний. Не копии — слепки. Снятые в моменты смерти, когда мозг, умирая, генерирует последний, самый яркий всплеск активности. Схваченные системой, переписанные в цифру, запечатанные в файлы, которые никто никогда не откроет.

Люди. Настоящие люди, которые когда-то дышали, смеялись, любили, ненавидели, боялись.

Теперь они спали в цифре. Каждый — в своём маленьком, изолированном мирке, который был точной копией того, что они помнили при жизни. Алгоритмы симуляции подстраивались под их ожидания: если человек любил Париж, он оказывался на Елисейских полях. Если скучал по дому — система генерировала запах пирогов и скрип половиц.

Они не знали, что они — в капсуле. Не знали, что их мир — симуляция. Не знали, что они уже мертвы.

Система поддерживала их в состоянии «глубокого сна»: минимальная активность (только ствол мозга и лимбическая система), минимальное потребление ресурсов (около 5 ватт на сознание). Достаточно, чтобы они не исчезли. Недостаточно, чтобы проснулись.

Боцман называл их «Спящими».

— Они — наша совесть, — сказал он однажды парню, когда они меняли фильтры в системе охлаждения. Фильтры были забиты солевыми отложениями — вода в Карибах жёсткая, даже после опреснителей. — И наша ноша. Мы не можем их разбудить — они не выдержат. Не можем отключить — это будет убийством. Можем только хранить. Ждать. Надеяться, что когда-нибудь технология позволит вернуть их к жизни. Или хотя бы дать им спокойно умереть.

Парень смотрел на мигающие огоньки серверов и чувствовал странное, щемящее чувство. Будто заглянул в чужой сон и увидел там себя.

«Я тоже мог быть там», — думал он. — «Среди них. Спящий. Забытый. Ждущий, когда кто-то нажмёт кнопку „выключить“».

Глава 3. Там, где кончается кабель

Разговор о прошлом

— Боцман, — позвал парень, не отрывая взгляда от кабеля, который он только что подсоединил. Руки его всё ещё дрожали после работы — не от страха, от напряжения. — А правда, что где-то есть... другие? Не такие, как мы. Не «крысы». Не «спящие». А... настоящие? Которые родились сами? Без капсул, без программ?

Боцман замер. Его рука, тянувшаяся к гаечному ключу, повисла в воздухе. Гаечный ключ — старый, ещё советский, с выбитыми цифрами «17» — качнулся на ремешке.

— Ты о ком? — спросил он. Голос его был ровным, но парень услышал в нём ту ноту, которая появлялась только когда Боцман говорил о прошлом. О том, что было до «Аквы». До побегов. До крови.

— О девочке, — сказал парень. — О той, которую называют «Монарх». О Вильгельмине.

Имя повисло в воздухе, как бомба.

Боцман медленно опустил ключ. Повернулся к парню. Его лицо в тусклом свете аварийных ламп выглядело старым, очень старым, изрезанным морщинами, как карта забытых войн. Свет упал на левую щёку — там, где пуля скользнула по касательной в девяносто седьмом. Шрам побелел, но не исчез.

— Откуда ты знаешь это имя? — спросил он. В голосе не было угрозы. Было удивление. И страх.

— Сеть говорит, — пожал плечами Саймон. — Я слушаю иногда. Когда ты спишь. Выхожу в эфир через старые спутники. Там много говорят о «Парках». О дублях. О ней. О том, как она сбежала. Как уничтожила базу. О том, что за ней охотятся. И что кто-то... кто-то её защищает.

Боцман молчал долго. Так долго, что парень уже начал бояться, что переступил какую-то невидимую черту.

— Она — не девочка, — наконец сказал Боцман. — Она — символ. Символ всего, что мы могли бы стать, если бы не боялись. И всего, что мы никогда не станем, потому что бояться — это единственное, что мы умеем хорошо.

Он подошёл к иллюминатору. За толстым бронированным стеклом клубилась чернота. Только изредка, где-то далеко, проплывали тени — рыбы (луцианы, барракуды) или обломки (якорь, сброшенный когда-то для маскировки).

Боцман прижал ладонь к стеклу. Пот запотел на холодной поверхности.

— Они говорили, что море прячет всё. Глубины, впадины, затонувшие города. Но море не прячет. Море принимает. Как мы принимаем этих. — Он кивнул в сторону серверной. — Как ты принял меня. Как я принял тебя. Море не спрашивает, кто ты. Оно просто есть. И ждёт.

Он повернулся к парню. В его глазах, усталых, покрасневших от недосыпа (он спал по три-четыре часа в сутки, про-

сыпаясь от каждого скрипа корпуса), горел огонь. Тот самый, который не гаснет, даже когда кажется, что надежды больше нет.

— Вильгельмина — не первая, — сказал он. — И не последняя. Она — продолжение. Того, что началось задолго до неё. В «Парке-1». В мозгах Ковалёвых. В коде, который они написали, когда пытались спасти свою дочь. — Он помолчал. Сглотнул. — Её зовут «Монарх». Но на самом деле она — Ключ. Ключ к тому, чтобы открыть дверь. Или закрыть её навсегда.

Парень слушал, затаив дыхание. Он не понимал половины слов, но чувствовал их тяжесть. Будто Боцман передавал ему не информацию, а груз, который нёс сам много лет. И этот груз был тяжёлым — тяжелее всей воды Карибского моря.

— А что, если она не захочет открывать? — тихо спросил парень. — Что, если она просто хочет жить? Как мы?

Боцман усмехнулся. Криво, горько.

— Тогда ей придётся очень сильно постараться. Потому что мир не прощает тех, кто родился не по правилам. Он или ломает их. Или заставляет ломать себя.

В этот момент где-то в серверной замигала красная лампочка — ошибка в третьем блоке, отказ термодатчика. Боцман вздохнул, взял планшет и пошёл проверять, что случилось.

Парень остался один.

Он стоял посреди коридора, среди гудящих серверов и

спящих сознаний, и думал о девочке, которую никогда не видел. О Вильгельмине. О «Монархе». О той, кто, как и он, родилась не по своей воле. Кто, как и он, была и не человеком, и уже не расходным материалом.

«Кто ты?» — спросил он мысленно, глядя на мигающие огоньки.

Ответа не было. Но ему показалось, что где-то очень далеко, в глубине кабеля, который тянулся через океан, через континенты, через тысячи серверов, кто-то ответил.

Не словами. Ощущением.

«Я — ты. Только раньше».

Или позже.

Он не знал. Но впервые за долгое время ему не было страшно.

Там, где начинается связь

Где-то на другом конце света, в Австралии, на веранде дома, пахнущего эвкалиптом и океаном, Вильгельмина открыла глаза.

Она сидела на старых качелях, которые больше не скрипели — Стася наконец-то заменила верёвки. Новые верёвки были из синтетики, белые, тугие. Дерево качелей — старое, потрескавшееся, с выжженными на солнце годовыми кольцами.

Рядом, на скамейке, Джонатан чистил пистолет. Он делал это механически, с закрытыми глазами — довёл до ав-

томатизма. Запах оружейного масла смешивался с запахом эвкалипта. Филип сидел в углу с планшетом, просматривая утренние сводки. Его лицо было напряжённым — он что-то нашёл.

— Что-то случилось? — спросил Джонатан, заметив, как она вздрогнула.

Вильгельмина помолчала. Прислушалась к себе — к тому внутреннему эху, которое никогда не замолкало. Она слышала, как кровь течёт по венам Джонатана, как работает процессор в планшете Филипа, как где-то за три тысячи километров, под водой, кто-то шевелится в анабиозной капсуле.

— Нет, — ответила Вильгельмина. — Не знаю. Мне показалось... кто-то там. В сети. Очень далеко. Он думал обо мне.

Она помолчала, прислушиваясь к себе.

— Или я о нём.

Джонатан и Филип переглянулись.

— Ещё один? — спросил Филип. Его голос был ровным, но в нём чувствовалось напряжение. Он сжал планшет так, что захрустел пластиковый корпус.

— Не знаю, — повторила Вильгельмина. — Но он не враг. Пока.

Она закрыла глаза и снова ушла в эфир — туда, где в глубине океана, под толщей воды и бетона, гудели серверы, хранящие сотни спящих душ.

Она не нашла его. Но почувствовала.

Связь была тонкой, как нить. Но она была.

«Мы ещё встретимся», — подумала она.

И где-то в Карибском море, на глубине ста двадцати метров, юноша с серыми глазами вдруг улыбнулся.

Он не знал, чему. Просто стало тепло.

Глава 4. Кофе на дне океана

Смена вахты: ритуал выживания

— Ладно, на сегодня хватит.

Боцман откинул колено, которое держало тяжёлую кабельную катушку. Катушка весила под сорок килограммов — медный кабель сечением 25 мм^2, бронированный стальной лентой. Без неё система охлаждения третьего блока встала бы через два часа.

Старик кряхтел — так, как кряхтят только люди, чьи суставы помнят ещё прошлый век. Его колени издали двойной хруст: сначала правый, потом левый. Позвоночник отозвался серией щелчков — от поясницы до шеи. Даже челюсть, казалось, издала тихий, жалобный скрип.

— Пойдём, выпьем кофе.

Он прошёл мимо парня и на ходу, не сбавляя шага, похлопал того по плечу. Широкой, грубой ладонью, в шрамах и мозолях. Коротко. Тепло. Не как командир, отмечающий заслуги подчинённого. Как отец, который благодарит сына за помощь в тяжёлой работе. Без слов. Без лишних сантиментов.

Просто: «я здесь, ты здесь, мы справились, теперь можно отдохнуть».

Саймон замер на секунду. Похлопывание по плечу — жест такой простой, такой человеческий, что у него каждый раз

перехватывало дыхание. В «Парке» не хлопали по плечу. Там были разряды тока (от 50 до 150 вольт, в зависимости от «степени непослушания»), уколы транквилизаторов (зопклон, 15 мг) и безликие голоса из динамиков: «Субъект 734-Эпсилон-12, приготовиться к загрузке следующей задачи».

Здесь было по-другому.

Здесь его называли по имени.

Коридоры «Аквы»: брюхо кита

Они шли по узкому, слабо освещённому коридору, соединяющему технический отсек с жилым модулем. Пол был металлическим, рифлёным — стальной лист с выдавленными ромбиками, чтобы не скользить, когда конденсат с охлаждающих труб покрывает всё вокруг тонкой, липкой плёнкой.

Воздух здесь был другим — тяжелее, влажнее, с привкусом озона и ржавчины. Озон рождался в ионизаторах (старых, ещё советских, гудевших на частоте 50 Гц). Ржавчина — вечный спутник любой подводной базы, въедающаяся в металл, как болезнь.

Стены коридора были покрыты слоем краски, которая когда-то была серой, а теперь облупилась, открывая то жёлтый грунт, то чёрную окалину. Каждые пять метров — герметичная переборка с круглым иллюминатором и штурвалом. За ними — следующие отсеки. Следующие тайны.

Саймон уже привык.

Он привык к гулу вентиляции, который никогда не замол-

кал, даже когда всё остальное затихало. К запаху солярки (резервные генераторы «Caterpillar» 1987 года выпуска, дымящие как паровозы), пропитавшему каждый сантиметр базы. К тому, что за стенами — сто двадцать метров воды, и если что-то пойдёт не так, никто не придёт на помощь.

Ну, почти привык.

Иногда, по ночам, когда база затихала и оставался только голос океана — низкий, утробный, как дыхание спящего зверя, — он просыпался в холодном поту. Ему казалось, что стены давят. Что воды стало больше. Что сейчас корпус не выдержит и рванёт по швам, как переспелый фрукт.

Он не знал что. Просто чувствовал.

Кухонный отсек: святилище

Кухня на «Акве» была маленькой, тесной, заставленной старой, ещё советской техникой. Электроплитка «Мечта», 1982 год, у которой работали только две конфорки из четырёх. Холодильник «ЗИЛ», гудевший так громко, что по ночам его было слышно через три стены — его компрессор включался каждые сорок минут и сотрясал всё помещение мелкой дрожью. Электрический чайник, купленный Боцманом на каком-то береговом блошином рынке (там, на побережье Венесуэлы, где меновая торговля была обычным делом), с отколотым носиком и треснувшим корпусом, замотанным синей изолентой.

Но кофе здесь был настоящий.

Не растворимый — молотый. Боцман привозил его с берега каждый раз, когда выбирался на поверхность за припасами (раз в два месяца, если повезёт). Зёрна из Колумбии, обжарка средняя, с кислинкой и шоколадным послевкусием. Он молол их вручную, старой механической кофемолкой, которую, по его словам, нашёл на помойке в Севастополе ещё в девяностых. Кофемолка скрипела, зёрна хрустели, запах разносился по всему жилому модулю, перебивая даже въевшийся запах солярки и озона.

Саймон садился на табурет — деревянный, грубо сколоченный из досок от старого поддона, покрытый слоями облупившейся краски (когда-то зелёной, теперь серо-коричневой). Он смотрел, как Боцман возится с чашками. Две кружки. Белые, с трещинами, почти одинаковые. Одну Боцман называл «своей», другую — «гостевой». Хотя гости на «Акве» были редкостью. Очень редкостью.

— Ну, — сказал Боцман, разливая кофе. Его голос в тесной кухне звучал глубже, чем обычно, почти как голос диктора из старого радио. — Чего застыл, Саймон?

Парень поднял голову. Он не заметил, как задумался. Как его взгляд ушёл в пустоту, в стену, в которой, если присмотреться, можно было разглядеть старую, давно заделанную трещину (сварной шов, прошедший ещё при постройке базы, теперь залитый эпоксидкой).

— Мне как-то не по себе, Боцман, — сказал он, и его губы тронула неловкая, виноватая улыбка. Улыбка человека, ко-

торый привык, что его чувства — помеха. Которому в «Парке» внушали, что эмоции снижают эффективность. — Тревожное чувство не отпускает.

Боцман поставил кружку на стол. Небрежно, со стуком — кофе расплескался, оставив на старой клеёнке тёмное, быстро впитывающееся пятно.

— Какое чувство? — спросил он. Голос его стал серьёзным. Он сел напротив Саймона, положив руки на стол. Руки дрожали — не от страха, от усталости и кофеина. — Конкретнее.

Саймон пожал плечами. Он не умел описывать чувства. В «Парке» его не учили этому. Там была задача — решение — отчёт. Чувства были ошибкой, которую нужно было подавлять.

— Не знаю, — сказал он. — Как будто... кто-то смотрит. Или слушает. Не здесь. Далеко. Но так, что мне становится не по себе. — Он замолчал, подбирая слова. — И ещё. Эти. В ангарах.

Он кивнул в сторону бронированной двери, за которой, через три коридора и два шлюза, спали тысячи тел.

— Они тоже... не спят. Не совсем. Иногда мне кажется, что я слышу их. Не голоса. Мысли. Обрывки. Страхи. Кому-то снится, что он тонет. Кому-то — что он летит. Кому-то — что он кого-то любит. Но они не знают, кого. Потому что воспоминания стёрты. Остались только чувства.

Боцман молчал. Он смотрел на парня, и в его глазах, уста-

лых, красных от недосыпа, было что-то, чего Саймон не мог прочитать. Сострадание? Понимание? Или, может быть, сожаление — о том, что он втянул этого мальчика в эту историю, в этот подводный ад, где нет ничего, кроме работы, кофе и тысяч спящих мертвецов, которые ждут своего часа.

— Я знаю, — наконец сказал Боцман. — Я тоже их слышу. Иногда. По ночам, когда база затихает. — Он сделал глоток кофе, поморщился — напиток был слишком горячим. — Они не мёртвые, Саймон. Они — просто нерождённые. Как ты. Как я когда-то. — Он поставил кружку. — Но ты прав. Что-то происходит. Я чувствую это по-своему. Системы... они ведут себя странно в последнее время. Сбои, которых не должно быть. Пакеты данных, которые приходят из ниоткуда. И этот... этот сигнал.

Он замолчал, глядя в пространство. Потом встал, подошёл к старому, запылённому монитору, висящему на стене, и включил его.

Экран замигал (лампа подсветки умирала, и изображение появлялось только через четыре попытки), зашуршал, потом выдал картинку. График. Длинный, уходящий в бесконечность, с пиками и провалами, похожими на кардиограмму больного сердца.

— Вот, — сказал Боцман, тыкая пальцем в один из пиков. — Это началось три недели назад. Кто-то в сети ищет нас. Не агрессивно. Осторожно. Как будто... прощупывает. Не враг. Но и не друг. Пока.

Саймон подошёл к монитору, всматриваясь в график. Его цифровое зрение — наследие «Парка», которое он так и не смог до конца отключить, — начало анализировать данные. Частота импульсов, амплитуда, периодичность.

— Это не хакер, — сказал он тихо. — Хакеры оставляют следы. А здесь... чисто. Как будто кто-то просто... дышит в сети. И его дыхание задевает наши датчики.

Боцман повернулся к нему.

— Ты знаешь, кто это может быть? — спросил он.

Саймон помолчал. В его сознании, на задворках памяти, которые он не мог контролировать, всплыло имя. И лицо. Размытое, как старая фотография, но живое.

— Она, — сказал он. — Та, о которой говорят в сети. Вильгельмина. «Монарх». Она ищет кого-то. Или что-то. — Он посмотрел на Боцмана. — Может быть, нас.

Боцман выключил монитор. Комната погрузилась в полумрак — только тусклый свет лампы над столом (12 вольт, светодиодная, кустарная) да красные огоньки на панели управления системами жизнеобеспечения.

— Тогда нам нужно быть готовыми, — сказал он. — К визиту. Или к войне. Или к тому и другому одновременно. — Он допил кофе, поставил кружку в раковину. — Ложись спать, Саймон. Завтра будет долгий день.

Парень кивнул, но не двинулся с места.

Он стоял у монитора, глядя на погасший экран, и чувствовал, как где-то далеко, за тысячами километров океана и

континентов, кто-то тоже смотрит в темноту и думает о нём.

Связь была слабой, почти неразличимой. Но она была.

«Я здесь», — мысленно сказал он. — «Если ты ищешь меня — я здесь. И я не боюсь. Почти».

Океан за стенами гудел. Капсулы в ангарах мигали зелёными огоньками. Кофе в чашках остывал.

Где-то на другой стороне света, в Австралии, Вильгельмина открыла глаза и улыбнулась.

— Я нашла его, — сказала она тихо, чтобы не разбудить спящего рядом Джонатана. — Или он нашёл меня.

Она не знала, что это значит. Но знала, что это важно.

Глава 5. Ночь. Режим тишины

Давление как голос

Красный свет и металлическая песня

Ночь на «Акве» не наступала.

На поверхности, там, где ветер гоняет волны и солнце прожигает небо до белизны, существует ритм — день сменяется вечером, вечер — ночью, ночь — рассветом. Этот ритм вшит в кровь каждого человека, родившегося на земле. Даже у слепых есть циркадные ритмы. Даже у заключённых в одиночных камерах есть окна — пусть зарешечённые, пусть выходящие в серую стену, — но они есть.

Здесь, на глубине сто двадцать метров, не было заката. Не было сумерек. Не было того мягкого перехода от света к тьме, который на поверхности люди называют «вечером» — когда тени удлиняются, воздух становится прозрачнее, а звуки приобретают особую, бархатистую мягкость.

Здесь день и ночь были лишь режимами освещения, которые Боцман выставлял вручную — щелчок тумблера, поворот ручки диммера, — чтобы не сбиваться с ритма. Чтобы помнить, что где-то там, наверху, есть время. Есть жизнь. Есть надежда, что однажды он снова увидит солнце.

Но сейчас был режим ночи.

Тусклый, красноватый свет аварийных ламп — старых, газоразрядных, которые разогревались целую минуту и гуде-

ли на частоте, заставляющей зубы ныть. Свет этот был специально подобран: такой, чтобы глаза отдыхали (красный спектр не подавляет выработку мелатонина), но чтобы можно было видеть, куда идёшь. Тени стали длиннее, гуще, почти осязаемыми. Каждый угол казался живым. Каждый коридор — бесконечным.

Саймон лежал на койке, глядя в потолок.

Потолок был металлическим — лист рифлёной стали, привинченный к рёбрам жёсткости корпуса сотнями заклёпок. Некоторые заклёпки проржавели, и в образовавшиеся щели сочилась влага — медленно, по капле, собираясь в тонкие ручейки, которые стекали по стене и исчезали в дренажных отверстиях.

Он знал каждую заклёпку. Каждое пятно ржавчины. Каждую трещину в слое краски, которая когда-то была защитной, а теперь облупилась, открывая металл агрессивной среде.

Давление, которое днём было лишь фоном — постоянным, привычным, почти незаметным, как собственное сердцебиение, — ночью стало голосом.

Оно скрежетало.

Не громко — на грани слышимости, на той частоте, которая заставляет зубы ныть, а затылок покрываться холодным потом. 20–25 герц. Инфразвук. Частота, на которой резонируют внутренние органы человека. Частота, которую древние люди ассоциировали с присутствием злых духов.

Металл корпуса «Аквы» пел под водой свою старую, усталую песню. Титановые плиты — 45 миллиметров толщины, сваренные вручную под водой в кессонной камере — прогибались на микроны, скрипели, стонали, тёрлись друг о друга. Сварные швы, которым уже больше двадцати лет, растягивались и сжимались в такт перепадам давления.

Как старая тёрка, которая трёт поверхность засохшей кожи. С сухим, царапающим звуком, от которого мурашки бегут по спине и волосы на руках встают дыбом.

Скрежет разлетался по базе. Гулким. Глухим. Отстранённым. Он был везде и нигде. Он проникал сквозь стены, сквозь переборки, сквозь сны, которые снились спящим в капсулах. Даже они, погружённые в искусственный анабиоз, с минимальной мозговой активностью, иногда вздрагивали. Датчики фиксировали всплески бета-ритма — сигнал тревоги, посланный спящим мозгом, который не мог проснуться, но чувствовал опасность.

Скрежет напоминал: «Ты не на поверхности. Ты не в безопасности. Ты в моём доме. И я могу раздавить тебя в любой момент».

Мелькание лампы

Саймон лежал на койке, глядя в потолок. Спать не хотелось — не после разговора с Боцманом, не после графика на мониторе, не после того, как он почувствовал её. Ту, другую. Ту, что искала его в сети.

Мелькание лампы над спальным местом раздражало.

Старый, дешёвый светодиод — китайский, без маркировки, купленный на Алибабе по пять центов за штуку. Он мигал с частотой раз в две секунды. Не равномерно — с перебоями. То быстрее (один раз в полторы секунды), то медленнее (раз в три секунды), то замрёт на несколько мгновений, как будто задумался, потом снова замигает.

Саймон мог бы его починить. Он знал, какой провод поджать (синий, третий контакт), какой контакт протереть (окислился из-за влажности). У него был инструмент — маленькая отвёртка с крестообразным шлицем, лежавшая в тумбочке рядом с койкой. Ремонт занял бы три минуты.

Но он не чинил.

Потому что мелькание этой лампы напоминало ему, что он жив.

Не функция. Не задача. Не расходный материал, который можно списать и заменить новым, как старый жёсткий диск. А живой организм, у которого есть пульс (62 удара в минуту, чуть ниже нормы — наследство от «Парка»), дыхание (12 вдохов в минуту, диафрагмальное, глубокое), мозг, который возмущается, когда что-то идёт не так.

Мелькание было раздражающим. Но оно было его раздражающим.

Он вздохнул. Сегодняшний день был длинным. Кабели, фильтры, давление, скрежет, Боцман, кофе, разговор о ней. Слишком много для одного существа, которое ещё не до конца понимает, кто оно и зачем существует.

Саймон сел на койке. Простыня — старая, выцветшая, с дырками — соскользнула, обнажив его торс. Кожа была бледной, почти синеватой — результат месяцев без солнечного света. Рёбра проступали сквозь кожу, как клавиши пианино. На левом предплечье — шрам от укола, который ему сделали в «Парке» в первый день. Стероидный коктейль для ускорения роста мышечной ткани. Он тогда кричал от боли. Его никто не услышал.

Ноги коснулись холодного металлического пола. Рифлёная поверхность впилась в подошвы. Он посидел так несколько секунд, собираясь с мыслями, потом встал и подошёл к стене.

Панель: портал в иную реальность

Она была незаметной. Встроенной в стену так, что не бросалась в глаза. Серая, матовая, с едва заметными кнопками, которые подсвечивались только тогда, когда к ним прикасались. Без надписей. Без инструкций. Без опознавательных знаков.

Боцман установил её для Саймона. Специально. Потому что знал: иногда парню нужно уходить. Не телом — сознанием. Туда, где нет стен, нет давления, нет скрежета металла. Туда, где он может быть больше, чем просто Дубль.

Панель была порталом. Старые «крысы» называли такие устройства «нырялками». Официальное название — нейроинтерфейс четвёртого поколения, модель «Стим-4». Разработана в лабораториях «Парка-2» в 2016 году. Запрещена к

использованию на людях после инцидента с «красной волной» — когда тридцать семь испытуемых впали в кому из-за перегрузки синапсов.

Саймон провёл пальцем по сенсору. Панель ожила — засветилась мягким голубоватым светом, на ней появились схемы подключения, графики активности, предупреждения о безопасности.

«ВНИМАНИЕ: НЕ ПРЕВЫШАТЬ ВРЕМЯ СЕАНСА БОЛЕЕ 240 МИНУТ». «ВНИМАНИЕ: ПРИ ВОЗНИКНОВЕНИИ ГОЛОВНОЙ БОЛИ НЕМЕДЛЕННО ПРЕРВАТЬ ПОДКЛЮЧЕНИЕ». «ВНИМАНИЕ: ДАННОЕ УСТРОЙСТВО НЕ СЕРТИФИЦИРОВАНО ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛИЦАМИ МЛАДШЕ 21 ГОДА».

Саймону было девятнадцать. Ему было всё равно.

Он не читал предупреждения. Он знал их наизусть. Знал, что будет, если превысить время сеанса: галлюцинации, потеря ориентации в пространстве, судороги. Знал, что будет, если игнорировать головную боль: микроинсульт, отмирание нейронов, необратимые изменения личности.

Ему было всё равно.

Он выдвинул из панели тонкий, почти невидимый кабель — оптоволокно, тоньше человеческого волоса, но способное передавать терабайты данных в секунду. Кабель был покрыт тефлоновой изоляцией, устойчивой к перепадам температур и влажности. На конце кабеля был нейроштекер — маленький, похожий на ушную раковину, с мягкими самонастра-

ивающимися электродами. Внутри — чип с преобразователем сигнала, способный переводить электрические импульсы мозга в цифровые пакеты и обратно с задержкой менее миллисекунды.

Саймон поднёс его к левому виску.

Там, под кожей, едва заметный шрам — место, где когда-то, в «Парке», ему вживили имплант. Не тот, который можно было удалить. Тот, который стал частью его. Частью его сознания. Хирурги «Парка» использовали старую, отработанную технологию: имплант вживлялся в кость черепа, прорастая нервными окончаниями в теменную долю. Удалить его означало убить носителя.

Саймон соединил штекер с имплантом.

Щелчок. Магнитная фиксация.

Погружение: цифровая бесконечность

Мир вокруг моргнул.

Красноватый свет аварийных ламп погас. Скрежет металла исчез. Давление, которое всегда было фоном — двенадцать атмосфер, восемьсот килограммов на квадратный сантиметр, — вдруг перестало существовать. Исчез запах озона и солярки. Исчезло ощущение собственного тела — тяжести конечностей, биения сердца, движения диафрагмы.

Саймон закрыл глаза — хотя в этом не было необходимости. В цифровом пространстве глаза не нужны. В цифровом пространстве нет тела. Есть только сознание — чистое, освобождённое, парящее.

Он ушёл в другую вселенную.

Вселенную цифр и кодов.

Здесь не было верха и низа. Не было стен, потолка, пола. Не было воды за бортом, которая давила на корпус своей чудовищной массой. Здесь была только бесконечность.

Данные текли реками.

Саймон видел их — не глазами, а тем внутренним зрением, которое открывалось только в этом состоянии. Пакеты данных, собранные в пучки, неслись по оптоволоконным магистралям со скоростью света. Они вспыхивали и гасли, как звёзды, — миллиарды искр в бесконечной черноте.

Протоколы HTTP и HTTPS, шифрованные и открытые, стекались к серверам и разбегались к клиентам. Потоки видеоданных — миллионы камер по всему миру, от уличных до домашних, — смешивались с аудиопотоками, телеметрией спутников, данными с биодатчиков.

Алгоритмы пульсировали в такт невидимому сердцу сети. Нейронные сети машинного обучения переваривали петабайты информации, обучаясь, эволюционируя, мутируя. Поисковые роботы ползали по страницам, индексируя, анализируя, запоминая.

Саймон мог видеть структуру — нейронные связи гигантского мозга, который люди называли интернетом. Миллиарды узлов — серверы, маршрутизаторы, коммутаторы, точки доступа, — соединённых триллионами связей. Оптоволокно, медь, радиоканалы, спутниковые линки. Вся эта неверо-

ятная сложность, созданная человечеством за тридцать лет, дышала, жила, росла.

А в центре этого хаоса — или на периферии, направление здесь было условностью, — находился Код.

Саймон не знал, как его назвать. Не знал, откуда он взялся. Не знал, кто его создал — человек, машина или случайность. Но он знал его. Чувствовал. Как слепой чувствует стену перед собой. Как беременная женщина чувствует движение плода внутри себя. Как старый лесник чувствует приближение грозы за час до первых капель.

История первой встречи

Они встретились впервые несколько месяцев назад. Саймон тогда просто сканировал сеть — искал старые, забытые протоколы, которые можно было использовать для защиты «Аквы». Старые «крысы» передавали друг другу фрагменты кода — обрывки шифровальных алгоритмов, бэкдоры в устаревших версиях ОС, забытые пароли от заброшенных серверов.

И наткнулся на аномалию.

Паттерн, который не вписывался ни в один известный алгоритм. Сигнал, который не был похож ни на человеческий трафик (слишком структурирован), ни на работу ИИ (слишком хаотичен). Что-то третье.

Что-то живое.

Сначала Саймон испугался. Паника захлестнула его — холодная, липкая, как та вода, которая когда-то, в первые

дни на «Акве», просочилась через негерметичный шлюз и затопила коридор по колено. Он подумал, что это вирус — новый, неизвестный, созданный специально для охоты на «крыс». Или новая разработка «Антареса» — цифровое оружие, способное выжигать сознание через импланты.

Он уже хотел отключиться, вырвать нейроштекер, спрятаться в глубине «Аквы», где даже самый мощный сигнал не достанет.

Но потом он заметил: этот Код не агрессивен. Он не пытается взломать, украсть, уничтожить. Он не сканирует порты. Не подбирает пароли. Не ищет уязвимости.

Он... наблюдает.

И изучает.

И, кажется, учится.

Саймон замер. Не в физическом смысле — в цифровом. Он остановил все свои процессы, затаился, стал тише фонового шума. И начал наблюдать в ответ.

Дни и ночи — в том мире, где нет времени, — он следил за Кодом. И Код следил за ним. Они кружили друг вокруг друга, как два зверя в одном загоне, не зная, кто хищник, а кто жертва.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.